

Александр Восьмой

Прихоть 5: Белка на острове

18+

Александр Восьмой

Прихоть 5: Белка на острове

<https://litres.ru/74602009>

SelfPub; 2026

Аннотация

Белка, которая хотела купить остров. Амбициозная белка с бизнес-планом и блокнотом в зубах пытается накопить на собственный остров, открывая по пути кофейню для птиц, службу доставки орехов и франшизу «Уютный дупло-отель». Её враги — голуби-конкуренты и сезонная линька. Атмосфера: урбанистический лес, где каждый лист — это сделка.

Александр Восьмой

Прихоть 5:

Белка на острове

Глава 1. «Лист бумаги и великая мечта»

Утро в урбанистическом лесу выдалось таким звенящим, будто кто-то настроил ветер на частоту биржевых торгов. Роса на листьях переливалась, как живые графики: вверх-вниз, вверх-вниз — и Мирта, белка с амбициями, замерла на ветке, чувствуя, как внутри щёлкает тумблер: «Пора».

В зубах у неё болтался потрёпанный блокнот — находка дня. Обложка была погрызена, страницы пахли дождём и старыми орехами, а на первой странице уже красовалась строчка, выведенная дрожащим, но решительным почерком: «Остров. Срочно».

Мирта не собиралась больше просто грызть орехи в тени. Она собиралась строить империю.

Она села на край ветки, расправила плечи и попыталась принять вид генерального директора. Получилось скорее как у белки, которую внезапно укусил энтузиазм, но это её не смутило. Бизнес-план требовал структуры, а структура — дисциплины. Мирта щёлкнула карандашом (он был огрызком, но зато с резинкой — признак серьёзности) и записала: «Шаг 1: Накопить.

Шаг 2: Купить остров.

Шаг 3: Заселить островок дружелюбными существами (но без конкуренции).

Шаг 4: Построить на острове штаб-квартиру в виде гигантского дупла с панорамными окнами.

Шаг 5: Стать легендой».

И тут ветка под ней дрогнула. Не от ветра — от тяжести амбиций.

С соседней ветки сорвался птенец воробья, кувыркаясь в воздухе, как плохо упакованный груз. Мирта даже не успела подумать — она просто схватила его лапой, прижала к груди и замерла, будто держала не птенца, а первый контракт.

— Ты... ты в порядке? — выдохнула она, глядя на него с таким видом, будто только что закрыла самую важную сделку сезона.

Птенец моргнул, чихнул и, кажется, кивнул.

— Отлично, — сказала Мирта, уже мысленно вписывая его в команду. — Ты мой первый деловой контакт.

Его звали Чик. Он ещё не умел летать, но уже умел издавать звуки, подозрительно похожие на «да-да» и «согласен». Для стартапа — идеальный сотрудник.

— Итак, — Мирта постучала карандашом по блокноту, —

у нас есть миссия. Остров. Но сначала — капитал. А капитал в лесу — это орехи, репутация и умение выглядеть так, будто ты знаешь, что делаешь.

Чик чирикнул что-то ободряющее.

Мирта кивнула. Она знала, что впереди её ждут голуби-конкуренты, сезонная линька (которая, честно говоря, больше напоминала кризис ликвидности) и сотни мелких сделок, где вместо денег будут желуди, а вместо подписей — следы когтей. Но сейчас, в это утро, когда роса блестела, как биржевые графики, а ветер шептал курсы валют из шелухи и листьев, всё казалось возможным.

Она закрыла блокнот, прижала его к груди и посмотрела вдаль — туда, где за кронами деревьев, возможно, уже виднелся её остров. Или хотя бы намёк на него.

— Поехали, Чик, — сказала Мирта. — Начинаем с малого. С кофейни для птиц.

И они отправились вниз по стволу — не просто белка и птенец, а основатели будущей империи.

Глава 2. «Кофейня для птиц: первый капучино и первая катастрофа»

Рассвет в урбанистическом лесу был не просто рассветом — это был старт. На развилке трёх троп, под раскидистым дубом, висела табличка: «„Пернатый глоток“. Первая кофейня для пернатых. Без ГМО, без сахара, зато с харизмой». Буквы Мирта выводила сама, старательно царапая кору гвоз-

дём. Получилось немного криво, но зато с душой — а в бизнесе, как она твёрдо решила, душа важнее симметрии.

Чик, её первый деловой контакт и по совместительству младший бариста, сидел на краю прилавка — импровизированной доски, уложенной на два пня, — и нервно чирикал.

— Главное, не смотри клиентам в глаза слишком долго, — наставляла его Мирта, поправляя бантик из травинки. — Это может быть расценено как навязчивость. Или как угроза. В птичьём сообществе грань тонкая.

Она оглядела своё заведение. Чашки — скорлупки грецких орехов, отполированные до блеска. Вместо зёрен — обжаренные семечки, молотые в ступке из желудя. Молоко? Тут Мирта сделала паузу. Птичье молоко — это, конечно, красиво звучит, но непрактично. Поэтому она остановилась на взбитом сиропе из кленового сока: лёгкая пенка, натуральный аромат и стопроцентная экологичность.

— Это будет хит, — прошептала она, постучав когтем по блокноту. — «Капучино из семечек». Звучит как название премиального бренда.

И день начался.

Первыми пришли синицы — элегантные, быстрые и очень требовательные.

— Мне латте, но без пенки, — заявила одна, постукивая клювом по прилавку. — Я на диете. У меня сезонная линька, мне нельзя лишнего объёма.

Мирта моргнула.

— То есть... вы хотите просто горячий напиток? Без главного?

— Именно, — кивнула синица. — Я ценю минимализм. И скорость. У меня ещё восемь веток для инспекции.

Пока Мирта пыталась осмыслить концепцию «латте без пенки», к прилавку подтянулись вороны — солидная делегация из трёх особей. Они не заказывали. Они устраивали дегустацию.

— Цвет напитка — слишком оптимистичный, — пробасил самый крупный ворон, разглядывая чашку на просвет. — В настоящем кофе должна быть драма.

— А вкус? — робко спросил Чик.

Ворон помолчал, сделал глоток, выдержал театральную паузу.

— В нём нет истории, — наконец изрёк он. — Хороший кофе должен рассказывать о страданиях кофейного дерева. О зное. О дожде. О том, как его не поливали три недели.

Мирта сжала карандаш так, что грифель хрустнул.

— У нас семечки, — тихо сказала она. — И они были обжарены с уважением.

— Этого недостаточно, — вздохнул ворон. — Но я возьму ещё одну порцию. Для анализа.

К полудню очередь выстроилась до соседнего куста. Белки, дятлы, пара любопытных сорок — все хотели попробовать, что это за «Пернатый глоток» такой. Конверсия зашкаливала: о кофейне говорил весь парк. Но с каждым новым

заказом Мирта всё отчётливее понимала: бизнес — это не только про мечту, это ещё и про компромиссы.

А потом небо потемнело.

Сначала просто сгустились тучи, потом ветер сорвал с ветки лист, который пролетел мимо Мирты с угрожающим шелестом. А потом пошёл дождь — не просто дождь, а тот самый, который в бизнес-планах не учитывают.

Капли забарабанили по прилавку, по скорлупкам-чашкам, по блокноту, страницы которого тут же начали сворачиваться, как уставшие листья.

— Нет-нет-нет! — закричала Мирта. — Только не партия! Это же наш премиум-сегмент!

Она метнулась к подносу с готовыми напитками — десять чашек, каждая с идеальной пенкой, каждая — результат кропотливой работы. И в этот момент небо словно решило проверить её на прочность.

Не раздумывая, Мирта прыгнула вперёд, раскинула хвост — и накрыла поднос, как зонтом. Дождь стучал по пушистому меху, капли стекали по бокам, но под этим живым куполом чашки остались сухими.

Это был не просто жест. Это был подвиг. Эпичный, драматичный и слегка нелепый — как и положено в великом бизнесе.

Через минуту дождь стих так же внезапно, как и начался. Мирта осторожно подняла хвост. Чашки были целы. Пенка — местами даже взбодренная ветром — держалась.

Вокруг стояла тишина. А потом — аплодисменты. Ну, то есть, шквал чириканья, карканья и свиста, который в птичьем мире означал именно это.

— Ты спасла капучино, — выдохнул Чик, глядя на неё с обожанием.

— Я спасла репутацию, — поправила Мирта, отряхивая мокрый хвост. — А репутация в нашем деле дороже орехов.

Ворон, который всё это время наблюдал за сценой с ветки, медленно кивнул.

— Теперь в этом кофе есть история, — сказал он. — Про дождь. Про хвост. Про смелость.

Он сделал ещё один глоток.

— Пожалуй, я возьму франшизу.

Мирта замерла.

— Франшизу?

— Да, — кивнул ворон. — Хочу открыть «Пернатый глоток» на северной опушке. Но с поправкой: у меня будет тёмная обжарка. С драмой.

Мирта посмотрела на свой блокнот, где на мокрой странице расплывались буквы, но сквозь них всё ещё читалось: «Остров. Срочно».

Она улыбнулась.

— Добро пожаловать в империю, — сказала она. — Только договоримся сразу: никаких экспериментов с драмой в первые три месяца. Нам нужно сначала выйти на окупаемость.

И «Пернатый глоток» продолжил работать — уже не просто как кофейня, а как первая точка будущей сети. А где сеть — там и капитал. А где капитал — там и остров.

Даже если пока этот капитал измерялся в семечках, скорлупках и одном мокром, но героическом хвосте.

Глава 3. «Голуби-конкуренты: тактика пернатого рейдерства»

Площадь у фонтана испокон веков считалась голубиной территорией. Здесь они грелись на тёплом камне, обсуждали курсы крошек и вели учёт прохожих с бутербродами. И появление «Пернатого глотка» они восприняли не как культурное событие, а как нарушение границ.

Для голубей Мирта была не милой белкой с бизнес-идеей — она была угрозой экосистеме. Особенно раздражал их тот факт, что у неё был блокнот. В голубином понимании блокнот — это уже заявка на власть.

Война началась тихо. Без громких криков, без манифестов — с мелочей, которые в бизнесе бьют больше всего.

Сначала «случайно» рухнула вывеска. То есть, конечно, никто не толкал её специально. Просто три голубя одновременно решили приземлиться на ветку над табличкой, ветка дрогнула, табличка качнулась, гвоздь устал — и вот уже «„Пернатый глоток“ — первая кофейня для пернатых» лежит на земле, а рядом стоят голуби с видом «Ой, мы не заметили».

Мирта посмотрела на это, поправила бантик из травинки и сказала:

— Это не авария. Это ребрендинг. Мы переходим на мобильную версию.

Она перевернула доску, написала мелом на обратной стороне: «„Пернатый глоток“. Теперь ещё ближе к народу!» — и поставила её у корней дуба. Получилось даже уютнее.

Но голуби не собирались сдаваться. Они перешли к информационной кампании.

— Не берите у них семечки! — зашелестело по парку. — Они неэкологичные! Их жарили на масле, которое... ну, в общем, оно было.

— А чашки-то — скорлупки! — подхватывали другие. — Это несерьёзно! Мы не пьём из скорлупок! Мы — городская птица!

Флешмоб «Мы не пьём из скорлупок» набрал обороты стремительно. Голуби собирались группами, демонстративно отворачивались от прилавка и делали вид, что клюют воздух — так, чтобы все видели их принципиальность.

Чик смотрел на это с тревогой.

— Может, сделаем чашки из крышечек от желудей? — предложил он. — Или придумаем название покруче... «Эко-капсула»?

— Нет, — твёрдо сказала Мирта. — Мы не меняем суть из-за паники. Скорлупка — это аутентично. Это про природу. Это про нас.

И она перешла в контратаку. Не с криками, не с обвинениями — с партизанским маркетингом.

Первым делом она организовала раздачу пробников у автобусных остановок. Там, где голуби не были королями, а были просто птицами среди толпы. Мирта забиралась на фонарный столб (это выглядело эффектно), держала в лапах поднос с крошечными порциями «капучино из семечек» и громко, но вежливо объявляла:

— Пробуйте! Без обязательств! Если не понравится — просто скажите «нет», я не обижусь. Ну, может, чуть-чуть.

Люди улыбались. Дети смеялись. Кто-то брал, кто-то качал головой, но все запоминали. А главное — птицы, которые прилетали за крошками от бутербродов, тоже пробовали. И некоторые даже возвращались.

А потом Мирта подружилась с почтальоном.

Это был человек в синей форме, который каждый день разносил письма по району и знал всех местных котов, собак и птиц в лицо. Он не удивлялся, когда к нему на плечо села белка и вежливо попросила:

— Можно я дам вам стопку листовок? Вы их разнесёте, а я взамен буду каждый день оставлять для вас орешек у почтового ящика.

Почтальон посмотрел на неё, потом на листовки, где было нарисовано дупло с дымящейся чашкой и надпись: «„Пернатый глоток“». Вкус, который поймёт даже человек», — и кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Но орешек должен быть крупный. И без червяков.

Так листовки оказались в сотнях ящиков. И в них не было лжи, не было агрессии — только честность: «Мы делаем кофе из семечек. Чашки — скорлупки. Но мы стараемся. Приходите, если хотите уюта».

Голуби, узнав об этом, устроили экстренное собрание на краю фонтана.

— Это недопустимо! — каркал их неформальный лидер, крупный голубь по кличке Кирпич. — Она проникает в дома! Она использует людей!

— Она использует доброту, — тихо заметил один из молодых голубей. — И у неё правда уютно. Я вчера заглянул... и выпил полскорлупки. Не потому что хотел, а потому что... там было тепло.

Кирпич посмотрел на него так, будто тот предал голубиное братство.

— Ты что, перешёл на их сторону?

— Я просто признал факт, — пожал крыльями молодой голубь. — У неё есть стиль.

Тем временем у «Пернатого глотка» снова выстроилась очередь. Синицы, воробьи, пара сорок — и даже несколько голубей, которые делали вид, что они тут не за кофе, а просто «проходили мимо».

— Мне... латте, — буркнул один из них, стараясь не встречаться взглядом с Миртой. — Без пенки. Я на диете.

Мирта улыбнулась.

— Без пенки так без пенки, — сказала она, наливая напиток в скорлупку. — Главное, что вы пришли.

Когда он ушёл, держа чашку так осторожно, будто это был секретный документ, Чик тихо спросил:

— Думаешь, это капитуляция?

— Думаю, это начало переговоров, — ответила Мирта, делая пометку в блокноте: «Расширить линейку для диетических клиентов. Возможно, „декаф из желудей“».

Вечер опускался на урбанистический лес, и каждый лист, казалось, шептал не просто о ветре — о сделках, о шансах, о том, что даже против течения можно плыть, если у тебя есть скорлупка, идея и хвост, которым можно прикрыть самое важное.

Мирта посмотрела на свой блокнот, на мокрые от росы страницы, на строчку «Остров. Срочно», которая теперь выглядела не как мечта, а как план с промежуточными этапами.

— Мы держимся, — сказала она Чику. — А если держимся — значит, растём.

И где-то в глубине парка, среди теней и шёпота листьев, остров уже не казался таким недосягаемым. Он был просто следующей остановкой на маршруте, который начинался с маленькой кофейни, одной храброй белки и войны с голубями, которая, как ни странно, делала её только сильнее.

Глава 4. «Служба доставки орехов: логистика на грани

фантастики»

В урбанистическом лесу наступила эпоха КРІ. Мирта стояла на развилке, держа в лапах блокнот, и смотрела на карту маршрутов, нарисованную на куске бересты. Линии вились по веткам, пересекали поляны, ныряли в заросли — и выглядели как схема заговора, а не логистики. Но для Мирты это была стратегия.

— Мы больше не просто раздаём орехи, — провозгласила она, чеканя каждое слово. — Мы доставляем. Точно. Вовремя. С чеком и улыбкой.

Чик, уже не просто птенец, а теперь ещё и координатор смены, нервно чирикал:

— А если ветка сломается?

— Тогда мы внесём это в отчёт как форс-мажор, — невозмутимо ответила Мирта. — И вычтем из премии.

Так родилась «Ореховая экспресс-доставка». Правила были строгие: таймер на прыжок, штраф за опоздание — лишение ореховой премии, а за потерю груза — три дополнительные смены на раздаче пробников у автобусных остановок (самое суровое наказание в их мире).

Курьеры-белки надели повязки с логотипом — стилизованный орех в круге, который подозрительно напоминал герб тайного ордена. Они тренировались прыгать по расписанию, сверяли маршруты и старались выглядеть так, будто знают, куда летят.

Первый заказ пришёл от дятла. Не просто дятла, а пер-

фекциониста с репутацией.

— Только кедровые, — чётко продиктовал он, постукивая клювом по коре. — Без скорлупы. И чтобы ни одной трещинки. Если орех будет хоть чуть-чуть надколот, я верну его с пометкой «не соответствует спецификации».

Мирта сделала пометку в блокноте: «Клиент сложный, но платёжеспособный. Важен для репутации».

— Будет сделано, — сказала она с уверенностью, которой на самом деле не чувствовала. — Срок доставки — сорок минут. С точностью до секунды.

Курьер по имени Шустрик кивнул, подхватил коробку из коры, закрепил её ремешком из лианы и рванул по маршруту.

И тут природа решила напомнить, кто тут главный.

Шустрик летел по веткам, как снаряд, ориентируясь по стрелкам, нарисованным мелом. Всё шло идеально — ровно до той секунды, когда он попытался проскочить между двумя близко растущими ветвями. Коробка зацепилась. Лапа застряла. Хвост оказался где-то не там. И вот Шустрик висел, как трофей в ловушке, и тихо, но выразительно ругал систему КРІ.

— Помощь! — прошипел он, стараясь не привлекать лишнего внимания. — Я в логистическом инциденте!

Мирта примчалась через три прыжка.

— Не паникуй, — сказала она, оценивая ситуацию. — Это не авария. Это тест на стрессоустойчивость.

Она потянула лиану, Шустрик дёрнулся, ветка хрустнула, коробка наконец освободилась — и полетела вниз. Прямо в лужу.

— Нет! — хором закричали Мирта и Шустрик.

Но тут из кустов выскочил Чик, подпрыгнул, поймал коробку в полёте — и замер, тяжело дыша.

— Я... я только что вошёл в историю, — выдохнул он.

— Ты только что спас репутацию компании, — поправила Мирта, хлопая его по плечу. — Молодец. Теперь бегом к дятлу. Время идёт.

Тем временем система учёта решила, что с неё хватит. Она была простой: деревянные бирки с номерами заказов, привязанные к верёвочкам. Всё держалось на вере, гравитации и аккуратности. Но ветер был другого мнения.

Порыв пронёсся по площади, сорвал бирки, закружил их в вихре — и разнёс по парку, как конфетти из бюрократии. Одна бирка приземлилась на нос голубю Кирпичу, который как раз проходил мимо, делая вид, что не следит за конкурентами.

— Это что, реклама? — буркнул он, сбрасывая бирку крылом.

— Это отчётность, — мрачно сказала Мирта, глядя, как её система рассыпается в буквальном смысле. — И она уходит от нас.

Пришлось собирать бирки вручную, договариваться с ветром и извиняться перед клиентами за «временные задержки

в документообороте».

А дятел тем временем ждал. Ровно сорок минут и ни секундой больше. Когда Чик наконец добрался до него, запыхавшийся, с коробкой в лапах, дятел осмотрел заказ с такой тщательностью, будто искал микроскопические нарушения контракта.

— Скорлупа отсутствует, — констатировал он, проверяя орех клювом. — Трещин нет. Соответствие спецификации — сто процентов.

Мирта выдохнула.

— Значит, доставка прошла успешно, — сказала она. — И мы можем считать, что система работает. Почти.

Дятел кивнул.

— Принимаю, — сказал он. — Но в следующий раз добавьте опцию «с лёгкой обжаркой». Для настроения.

Это был почти комплимент. В мире пернатых и пушистых — почти высшая похвала.

Вечером Мирта сидела на ветке, листала блокнот и смотрела, как последние лучи солнца окрашивают листья в золото — будто каждый из них был купюрой. Шустрик потирал плечо, Чик клевал крошечный орешек премии, а система учёта лежала в коробке, перевязанная новой лианой — на этот раз тройным узлом.

— Сегодня мы потеряли бирки, застряли между веток и чуть не утопили заказ, — подытожила Мирта. — Но мы доставили. А значит, мы растём.

Чик поднял клюв.

— А остров?

Мирта улыбнулась.

— Остров никуда не денется, — сказала она. — Он ждёт. Но сначала — ещё одна смена. Ещё одна доставка. Ещё один орех, который станет частью большого плана.

Ветер шелестел листвой, будто перелистывал страницы невидимого договора. Урбанистический лес жил по своим законам, но Мирта училась вписывать свои строчки в этот хаос — аккуратно, настойчиво и с верой, что однажды её подпись будет стоять на настоящем документе: «Остров. Куплено».

Глава 5. «Сезонная линька: кризис имиджа и падение акций дупла»

Осень в урбанистическом лесу наступала не с шорохом, а с шелестом убытков. Каждый падающий лист теперь казался Мирте не просто частью природного цикла — он был минусом в бюджете, пунктом в графе «непредвиденные расходы», символом того, как быстро природа обесценивает любые амбиции.

А хуже всего было то, что у Мирты началась линька.

Это был не просто естественный процесс. Это был кризис имиджа в чистом виде. Её роскошный хвост, который ещё недавно героически прикрывал партию капучино от дождя, теперь выглядел так, будто участвовал в споре с колючим ку-

стом — и проиграл. По всему дуслу, по веткам, по прилавку «Пернатого глотка» валялись клочки шерсти, и каждый из них казался ей рекламным буклетом провала.

— Это временно, — твёрдо сказала она себе, глядя в осколок зеркала, который Чик нашёл в кустах и торжественно притащил как «инструмент самооценки». — Это не потеря имиджа. Это ребрендинг.

Чик, стоявший рядом и старательно не глядя на особо лысый участок её бока, деликатно чирикнул:

— Может, накинешь листик? Для объёма?

Мирта вздохнула.

— Нет. Мы не прячем проблему. Мы её капитализируем.

И она запустила PR-кампанию «Естественная элегантность».

Слоган родился мгновенно: «Стиль, который дарит сама природа. Без фильтров, без фотошопа, без компромиссов». На практике это означало, что Мирта теперь позировала исключительно в ракурсе «три четверти», прикрываясь листьями так, чтобы это выглядело не как маскировка, а как художественный приём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.